

Хлеб той зимы...

Кажется, что про блокаду Ленинграда невозможно написать ничего нового. И это правда. В этих книгах ничего нового не будет. И это лишь подтверждает то, что всё так и было. Страшный холод. Жуткий голод. И смерть. Про войну вообще страшно читать. А война глазами детей выглядит ещё более уродливо, несправедливо и ужасно.

Детям Ленинграда

Нет ребят на свете
Доблестней, чем вы,
Юноши и дети
С берегов Невы!

Я встречал вас в школах,
В парках и садах,
На катках веселых,
В дачных поездах.

Но настало время
Юношам страны
Разделить со всеми
Честь и труд войны.

Караулить склады,
Разгребать снега,
Строить баррикады
На пути врага.

На чердачной балке
Ночью сторожить,
Вражьи зажигалки
На дворе тушить.

Помощь и отрада
Боевой семьи —
Дети Ленинграда,
Земляки мои!

С. Маршак

...Вот и теперь Виктор испытывал точно такое же головокружение. «Это, наверное, от того, что во сне приснилась крупная рассыпчатая картошка, какую мама варила в чугуне и подавала с селедкой в подсолнечном масле, - подумал он. Во всем теле ощущалась слабость – Сейчас встану, и все пройдет», - успокоил он сам себя. В полузабытьи мальчик понимал, что если сейчас не пойти за водой, то очередь в дворницкую растянется на всю улицу. Он приподнял голову, но почувствовал, как головокружение стало еще сильнее...

М. Сухачев «Дети блокады»

12+

Сухачёв М. П. «Дети блокады».

Повесть. Автор двенадцатилетним мальчиком пережил трагическую и героическую блокаду Ленинграда. Книга рассказывает о тяжелых и страшных временах, о борьбе ленинградцев, оставшихся в городе, об их невыносимых страданиях от голода и холода. Но эта книга и о невероятном мужестве и стойкости ребят, не трусивших под бомбёжками и обстрелами, тушивших зажигательные бомбы на чердаках, помогавших женщинам и старикам, работавших на заводах наравне со взрослыми... Они быстро повзрослели и стремились сделать всё, даже невозможное, для помощи городу, в котором ленинградцы умирали, но не сдавались. И в победе над фашистами была и их заслуга.

**В школе
Девчонка руки протянула
И головой — на край стола...
Сначала думали — уснула,
А оказалось — умерла.**

**Её из школы на носилках
Домой ребята понесли.
В ресницах у подруг слезинки
То исчезали, то росли.**

**Никто не обронил ни слова.
Лишь хрипло, сквозь метельный стон,
Учитель выдавил, что снова
Занятия — после похорон.
*Ю. Воронов***

Лежа с закрытыми глазами он на миг перенесся в темное ленинградское утро, когда его будил раздававшийся из черной тарелки репродуктора голос диктора ленинградского радио: «Говорит Ленинград!»

А это означало, что независимо от самочувствия надо проспать и в крошечной тьме тащиться в булочную, вставать в очередь и ждать, когда подойдет мать, которая в это время занимала очередь в продуктовый магазин в надежде чем-то отовариться по продовольственным карточкам...

М. Сухачев «Там, за чертой блокады»

Герои повести «Там, за чертой блокады», ленинградские подростки Виктор Стогов, Валерка Спичкин, Эльза Пожарова, знакомы читателю по ранее изданной книге "Дети блокады".

В новой повести, которая читается как самостоятельное произведение, рассказывается об их дальнейшей судьбе. Оставшись в блокаду без родителей, они обрели вторую семью в дошкольном детдоме, устроенном в их бывшей школе, и вместе с ним были эвакуированы под Томск, в сибирскую деревню. Эта книга также и о тех, кто приютил "детей блокады", помог им обжиться на новом месте, - о колхозниках-сибиряках, людях широкой души и щедрого сердца.

Автор повести, бывший блокадник, будучи сам очевидцем и участником описываемых событий, рассказывает в ней о своем поколении, о том, как рано выросли ребята военных лет, как серьезно и ответственно они относились к жизни, как мужественно и стойко переносили выпавшие на их долю тяжелые испытания.

12+

**Годы блокады в архив не сдадут...
Сколько в них горя, трагизма!
А Танин дневник -
 беспощадный суд -
Суд над войной и фашизмом.**

Валентина Жукова

Таня Савичева – ленинградская школьница, которая с начала блокады Ленинграда вела дневник в записной книжке, оставшейся от её старшей сестры Нины. В этом дневнике девять страниц, на шести из которых даты смерти близких ей людей – матери, бабушки, сестры, брата и двух дядей. Почти вся семья Тани Савичевой погибла во время ленинградской блокады в период с декабря 1941 года по май 1942 года. Сама Таня была эвакуирована, но её здоровье было сильно подорвано, и она тоже умерла. Блокаду пережили только её сестра Нина и брат Михаил, благодаря которым дневник Тани стал одним из символов Великой Отечественной войны и фигурировал на Нюрнбергском процессе как один из обвинительных документов против фашистских преступников.

Мать
умерла
в декабре в
12.50 час
1941
341

Бабушка
умерла
25 окт.
3. дня
1942
520

Дядя
умер
17 мая
в 5 часов
1942
5270

Дядя Коля
умер
13 мая
в 2 часа
1942
5270

Майя
в 13 мая
в 7.30 час
умерла
1942

Савичев
- брат
умер
11

Дядя
Огня
Таня

Умер
11
вс

Дядя
Илья
умер
10 мая
в 4. дня
1942

Документальная повесть
о Тане Савичевой и
ленинградцах в
блокадном городе.

От автора

Она жила в Ленинграде, обыкновенная девочка из обыкновенной большой семьи. Училась в школе, любила родных, читала, дружила, ходила в кино. И вдруг началась война, враг окружил город.

Блокадный дневник девочки до сих пор волнует людей, обжег и мое сердце. Я решил рассказать о былом и отправился по следам горя, безмерных страданий, безвозвратных потерь. Но отыскались родственники, семейные фотографии, архивные бумаги, нашлись свидетели. Я держал в руках вещи, что хранили касание рук девочки, сидел за партой в классе, где она училась, смог бы с закрытыми глазами обойти ее прежнее жильё и назвать все предметы.

Порою казалось, что я рядом с той девочкой. В том блокадном, трагическом, непокорном городе. И мучало бессилие помочь, спасти. И вспомнилось пережитое лично.

...Никому не дано творить чудеса, ничто не изменить, не исправить в прошлом, но можно и должно предупредить и оградить будущее. Я расскажу, обязан рассказать.

Итак, жила-была девочка. Звали ее Таня Савичева.

У меня есть подружка - Таня Савичева. Мы с ней соседки. Она со Второй линии, дом 13. Четыре окна на первом этаже. Рядом булочная, в подвале керосиновая лавка... Сейчас лавки нет, но в Танино время, когда меня еще не было на свете, на первом этаже всегда пахло керосином. Мне рассказывали.

Тане Савичевой было столько же лет, сколько мне теперь. Она могла бы давно уже вырасти, стать учительницей, но навсегда осталась девчонкой...

Она была певуньей. Всегда пела. Ей хотелось декламировать стихи, но она спотыкалась на словах: споткнется, а все думают, что она забыла нужное слово...

Она всегда играла в учительницу. Наденет на плечи большой бабушкин платок, сложит руки замком и ходит из угла в угол. "Дети, сегодня мы займемся с вами повторением..."

Она осталась там... моя подружка Таня Савичева. Ее везли из осажденного Ленинграда на Большую землю, и дорога, названная Дорогой жизни, не смогла подарить Тане жизнь.

Ю Яковлев «Девочки с Васильевского острова»

Рисунки Светозара Острова

В истории осады Ленинграда самым трагическим периодом была зима 1941-1942 годов. Вся тяжесть войны легла на плечи не только взрослых, но и детей. Перед вами искренний и волнующий рассказ о девочке Тане, переживающей блокаду Ленинграда. Благодаря её дневнику ребята узнают о драматических событиях, происходящих в те нелёгкие времена. О голоде, из-за которого страдает семья девочки, о потере близких и родных. Но всегда существует дружба, которая может связывать людей, живущих в разное время. С такой удивительной дружбой читатели и познакомятся, прочитав этот замечательный рассказ.

Утро

**В комнате – двенадцать человек,
Спим, к печурке сдвинулись поближе.
Если рядом – стужа, холод, снег,
Поселившись вместе – легче выжить.**

**И с утра, когда метель опять
Штору через щель в окне колышет,
Я, проснувшись перед тем, как встать,
Вслушиваюсь – все ли дышат.**

Ю. Воронов

«...Чувство голода ни с чем не сравнимо. Оно непохоже ни на какое другое. Ты постоянно в каком-то изнурительном нетерпении, беспокойстве. Одолевает слабость, но нет сил и на месте усидеть.

Чем бы ни занялся — чтением, разговором, уборкой, в мозгу, со скоростью часового механизма, звучит один и тот же мотив: есть, есть хочу! Хочу есть! Есть, есть хочу! Хочу есть! Есть, есть хочу! Хочу есть! И так — до бесконечности, до головокружения, до тошноты...»

Э. Фонякова «Хлеб той зимы»

Героиня этой книги – девочка Лена из семьи ленинградских интеллигентов. В 1941-м году ей исполнилось семь лет.

Война начинается для Лены с маминых объятий. Строгая и принципиальная мама, всегда следившая за тем, чтобы в семье всё шло своим чередом и всё делалось правильно, прижимает к себе дочку и плачет. А потом – первый обстрел.

Постепенно из капризной «малоежки» Лена превращается в человека, который радуется любой еде. Она приобретает блокадный опыт – как сберечь силы, как собрать волю в кулак и не съесть свой кусочек хлеба уже утром, как научиться терпеть постоянное чувство голода...

Как это-война? Что это-война? Немногим не понаслышке известны ответы на эти вопросы. А девочке Лене, оставшейся вместе с семьей в блокадном Ленинграде, на собственном опыте приходится узнать, «как выглядит война взаправдашняя», что такое воздушная тревога и как тушить «зажигалку» и что, оказывается, оладьи можно готовить из кофейной гущи, а студень- из столярного клея.

«Хлеб той зимы» Эллы Фоняковой-это и слепок времени, и во многом автобиографичный рассказ о блокадных днях, и пронзительная история о самой обычной девочке, её семье и обо всех ленинградцах, не оставивших окружённый город.

Иллюстрации к книге создала Людмила Пипченко-художница, которой с поразительной точностью удалось передать настроение повести и дать возможность читателям своими глазами увидеть одну из блокадных зим.

Я говорю...

**Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
Не поколеблет грохот канонад,
И если завтра будут баррикады-
Мы не покинем наших баррикад...
И женщины с бойцами встанут рядом,
И дети нам патроны поднесут,
И надо всеми нами зацветут
Старинные знамена Петрограда.**

Ольга Берггольц

...Галя непонимающе смотрела на меня. Ее глаза никогда не видели Невский, занесенный снегом, где по сугробам змеилась небольшая узкая тропа. Весь Невский уместился на этой тропке - последнем ручейке жизни.

Не видела Галя, как падает человек и больше не поднимается. Раны нет. Крови нет. Упал, сраженный пулей-невидимкой... Дистрофия. Утрата интереса к жизни... Трубы остыли, не дышат. Уставились черными безжизненными жерлами в зенит, а над ними, в сером, тяжелом, как вода, небе, серебристые рыбы аэростатов заграждения: город погрузился на дно, над ним плывут рыбы, а ночью сквозь толщу воды чуть поблескивают звезды...

Ю Яковлев «Балерина политотдела»

Яковлев Ю. Я. «Балерина политотдела»

Лейтенанту Корбуту, бывшему до войны балетмейстером, велено было собрать небольшую танцевальную группу, которая с концертами будет ездить по военным частям. Но в условиях военного времени это казалось просто невозможным. И лейтенант вспоминает детей, с которыми до войны занимался в Пионерском дворце в Ленинграде ...

Убедив комиссара, что в блокадном Ленинграде дети подвергаются не меньшей опасности, а в некоторых вещах и большей, он получает разрешение сформировать детскую группу.

Сколько сил пришлось потратить ребятам, которых он смог найти, чтобы снова начать танцевать. Но они смогли танцевать через боль, истощение, страх. По первому зову ездили в самые отдаленные уголки фронта, выступали порой и под свистящими пулями, и в госпиталях, поднимали боевой дух солдат, тем самым внося свою лепту в общую копилку победы. В основу повести легла подлинная история...

12+

...О, как сосет, сосет под ложечкой! Кажется, поселилось во мне какое-то требовательно-голодное, урчащее существо и опустошает мой живот, втягивает его внутрь; а мозг тупеет, и уже ни на чем больше не может сосредоточиться, как только на мысли о еде...

...В вымерзшем небе непрерывное гнусавое жужжанье. Не слышишь ни завывающих сирен, ни серебристых фанфар отбоя. Днями, ночами длится одна воздушная тревога - психическая, уготованная слабонервным. Но четко, сурово, непреклонно стучит метроном - железное сердце блокадного города, и наши сердца в ответ бьются ровно, согласно...

Ю. Помозов «Блокадная юность»

Помозов Ю. Блокадная юность

Еще недавно ребята спорили: где страшнее во время артобстрела - на крыше или в подвале? И вдруг тонкий свист словно ввинчивается в воздух. Взрывной волной перепуганных ребят отбрасывает к краю крыши. С трудом им удастся доползти до ее гребня... Так началась их боевая юность.

У героя книги - Юрки - погиб отец на заводе во время артиллерийского обстрела. Юрка решил заменить его у станка...

Эта повесть - о жизни и труде юных ремесленников в голодную, холодную блокадную пору в Ленинграде.

В блокадных днях мы так и
не узнали:

Меж юностью и детством
где черта?..

Нам в сорок третьем
выдали медали

И только в сорок пятом -
паспорта.

12+

На радио

Ну что ты помнишь: был — под стол пешком.

Ну что ты мог — ребенок из детсада?

Ответь, мальчишка с голубым лицом,

Что в центре ледяного Ленинграда

У микрофона главного стоял

По стойке «смирно».

Громко, с выраженьем —

«Вот не забыть, не сбиться бы» —

Читал

В концерте для бойцов стихотворенье.

Потом сказали, что не подкачал.

А сбился б — не беда, не слова ради.

Звучащий детский голос означал,

Что живы, живы малыши в блокаде!

По радиоволнам, по проводам

Заиндевелым,

Сквозь огонь жестокий

Подмогою к сражавшимся отцам

Стремилась эти тоненькие строки...

О. Цакунов

Я помогла Кире внести девочку в комнату и развернула одеяло. Леночка была такая маленькая и худенькая, что казалась не годовалым, а пятимесячным, да к тому же ещё очень слабеньким ребёнком. Мы хотели посадить её на диван, но ничего не вышло. Леночка даже не могла держать головку.

Вечером я снова зашла к Кире. В комнате было тепло. Топилась печка-временка, и на ней грелось ведро с водой. Кира разрежала на куски большую простыню.

— Делаю пелёнки, чтобы завернуть Леночку после купанья, — сказала она.

— Где же ты воду брала? — спросила я. — Неужели ходила на Неву?

Кирюшка усмехнулась:

— Что вы! До Невы далеко, а Леночку одну оставлять нельзя. Я снегу набрала и растопила. У нас во дворе снежок белый-белый! Даже голубой.

В. Карасева «Кирюшка»

Вера Карасева «Кирюшка»

Это небольшая книжка. В ней всего 10 рассказов, читаются они легко и быстро. Но они ужасно важные! Ведь в них трепещет и бьётся болью и жалостью живая человеческая память о блокадных детях.

Впрочем, не только боль и жалость есть в этой книжке. Вера Карасёва, её автор, сама пережила Блокаду, и маленькие герои – это её знакомые, соседи, друзья. Это дети, которые жили и умирали рядом, в соседних квартирах, это дети, совершавшие большие поступки, которые не каждому взрослому по плечу.

ВЕРА КАРАСЁВА

КИРЮШКА

ХЛЕБНЫЕ КРОШКИ

В магазин были очереди и очереди, только на очереди у продавщицы выстоять не было. Продавщица отворачивала голову. У девочки с одной стороны знобилась очередь. Девочка вылезла, протянула карманы и получила аршинский хлебец, маленький, но твёрдый и влажный, потому что муча в нём было совсем мало, а больше воды и клеевского запаха*, который до-водился выковырять вручную.

А у другой стороны очереди худой степенный дядя. Дядя при слабом свете лампы был как ледяной, какао у него худое, выкатанные глаза. Шубка не облекала ребят, а висела на них.

*Жидкая — оттого такая выкатанная детская кожа выкатывалась на них жидкая. Карманы продавец выковыривала для проверки на наличие карманов и карманных часов, потому что карманы выкатывались.

6+

...Водитель, который меня через Ладогу вез,
Его разглядеть не сумел я, из кузова глядя.
Он был неприметен, как сотни других в Ленинграде, —
Ушанка да ватник, что намертво к телу прирос.

Водитель, который меня через Ладогу вез,
С другими детьми, истощавшими за зиму эту.
На память о нем ни одной не осталось приметы, —
Высок или нет он, курчав или светловолос.

Связать не могу я обрывки из тех кинолент,
Что в память вместило мое восьмилетнее сердце.
Лишенный тепла, на ветру задубевший брезент,
Трехтонки поношенной настезь раскрытая дверца...
А. Городницкий

Дорогой жизни шел к нам хлеб,
Дорогой жизни многих к многим.
Еще не знают на земле
Страшней и радостней дороги. (О. Бергольц)

Про "Дорогу жизни" подробно и доступно рассказывает Нисон Ходза в книге "Дорога жизни". Как маскировали склады и строили снежные домики для обогрева водителей прямо на льду Ладожского озера? Зачем плывут из Ленинграда по воде десятки пустых цистерн? Как появилась карта зимней дороги через Ладогу? Ходза просто, доступно и с множеством необычных деталей показывает, как работала "Дорога жизни".

Нисон Ходза «Дорога жизни»

Книга Нисона Ходзы не вполне обычная, в ней нет вымышленных персонажей или придуманных диалогов, она документальна. Страница за страницей автор рассказывает, как жил блокадный Ленинград, чем были заняты люди, как прокладывали «дорогу жизни», возили по ней хлеб и пытались спасти людей, как на заводах работали школьники и школьницы, а уроки проводили в бомбоубежищах.

Каждый рассказ сопровождается множеством архивных фотографий, исторических карт, предоставленных военными музеями Санкт-Петербурга, и рисунками художника В. Бескаравайного. Текст начинается обращением «к юному читателю», и это обращение, и само издание созданы так, что сразу становится понятна адресация книги – младшие школьники. Текст набран очень крупным шрифтом, так что книга хороша и для самостоятельного чтения.

6+

Дети

Все это называется — блокада.

И детский плач в разломанном гнезде...

Детей не надо в городе, не надо,

Ведь родина согреет их везде.

Детей не надо в городе военном,

Боец не должен сберегать паек,

Нести домой. Не смеет неизменно

Его преследовать ребячий голосок.

И в свисте пуль, и в завыванье бомбы

Нельзя нам слышать детских ножек бег.

Бомбоубежищ катакомбы

Не детям бы запоминать навек.

Они вернутся в дом. Их страх не нужен.

Мы защитим, мы сбережем их дом.

Мать будет матерью. И муж вернется мужем.

И дети будут здесь. Но не сейчас. Потом.

Е. Вечтомова

Сухачев, Михаил Павлович

Дети блокады : повесть / Михаил Сухачев ; худож. Г. В. Алимов. - Москва : Детская литература, 2015. - 268, [2] с. : ил.

Сухачев, Михаил Павлович.

Там, за чертой блокады : повесть / М. П. Сухачев ; худож. Г. Мазурин. - Москва : Детская литература, 2015. - 300, [2] с. : ил.

Карасева, Вера Евгеньевна

Кирюшка / Вера Карасева ; рисунки Абрама Резниченко. - Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2017. - 61, [2] с. : ил.

Ходза, Нисон Александрович

Дорога жизни : рассказы / Н. А. Ходза ; худож. В. Бескаравайный. - Ленинград : Детская литература, 1984. - 68, [4] с. : цв.ил., фото.

Помозов, Юрий Фомич

Блокадная юность : повесть : для среднего и старшего школьного возраста / Ю. Ф. Помозов ; рис. Л. Сергеевой. - Переизд. - Ленинград : Детская литература, 1989. - 141, [2] с. : ил.

Фонякова, Элла Ефремовна.

Хлеб той зимы : повесть / Элла Фонякова ; иллюстрации Людмилы Пипченко. - Санкт-Петербург ; Москва : Речь, 2015. - 221, [2] с. : ил.

Яковлев, Юрий Яковлевич.

Жить нам суждено : повести и рассказы / Ю. Я. Яковлев ; худож. Калачев С. - Москва : Молодая гвардия, 1979. - 383 с. : ил.

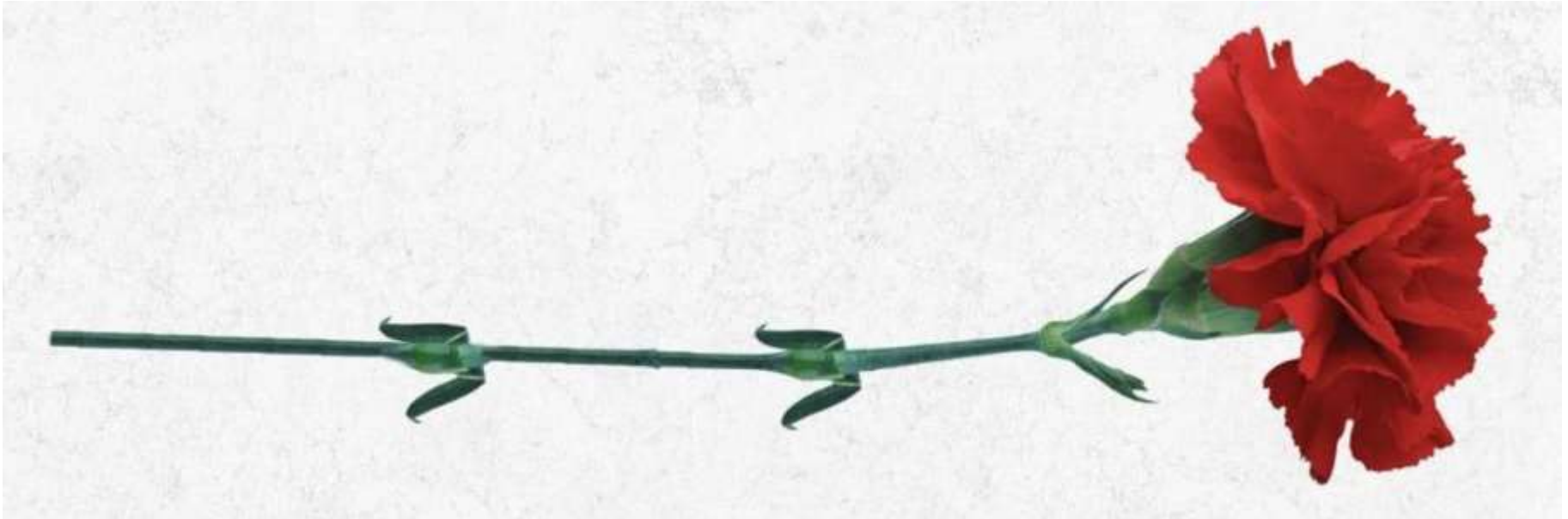
Миксон, Илья Львович.

Жила, была : историческое повествование : [О Тане Савичевой : для среднего школьного возраста] / И.Л. Миксон. - Ленинград : Детская литература, 1991. - 224, [1] с. : [16] л. ил.

Яковлев, Юрий Яковлевич.

А Воробьев стекло не выбивал : рассказы / Юрий Яковлев ; рисунки Г. Мазурина. - Москва : Детская литература, 1979. - 317, [1] с. : ил.

Картинки к презентации взяты из сети Интернет

<https://www.livelib.ru/quote/42776668-blokadnaya-yunost-yurij-pomozov>

<https://www.labirint.ru/reviews/recommendations/1484/>

<https://pravoslavie.ru/121959.html>

<https://www.labirint.ru/books/480840/>

https://www.babyblog.ru/community/post/kids_books/3215963

<http://fly-mama.ru/detyam-o-blokade/>

<https://pravoslavie.ru/127393.html>

<https://gazetavyborg.ru/news/iz-odnogo-metalla-lyut--medal-za-boy--medal-za-tru/>